

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

В.И. КАРАСИК
(Волгоград)

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИСКУРСА:
ТОПИК, ФОРМАТ, МОДУС**

Предложена трехмерная модель описания объектных, субъектных и инструментальных характеристик дискурса – его топика, формата и модуса. Топик трактуется как содержательный аспект дискурса, выраженный в тексте, формат – как ситуативный аспект общения, определяемый участниками, целями, ценностями, хронотопом, стратегиями и жанрами коммуникативного события, модус – как эмоционально-стилевая презентация дискурса в его определенной тональности, соответствующей типу социального действия и каналу общения.

Ключевые слова: *дискурс, коммуникация, текст, топик, формат, модус.*

В центре интересов современной лингвистики находится изучение языка как коммуникативной реальности. Такое понимание главного объекта языкознания закономерно пришло на смену сосюрговскому осмыслению языка как инструментария общения в виде системы единиц и организующих эту систему правил их комбинаторики. Коммуникативная реальность представлена в традиционных понятиях «речевая деятельность» (процесс порождения речи) и «текст» (в узком понимании – «конкретный текст» и широким понимании – «совокупность всех данных и возможных произведений речевой деятельности»). Термин «речевая деятельность» акцентирует внимание не столько на ситуативных условиях осуществления этой деятельности, сколько на психологических аспектах использования языка – языковой способности, коммуникативной компетенции, речеактовой специфике взаимодействия участников общения. Соответственно возникла необходимость обозначения культурно и ситуативно обусловленного языкового общения. Такая ипостась языка получила в

лингвистике название «дискурс» [1; 4; 8; 11; 13; 16; 17; 24; 25; 26; 27; 29; 31; 32].

Существующие в науке о языке подходы к выделению типов дискурса можно свести к следующим основным типам: объектный (о чем идет речь), субъектный (кто является участником общения), инструментальный (каковы способы осуществления коммуникации). Используя выработанные в науке термины для обозначения разных типов коммуникативных событий, можно говорить в этом плане о топиках, форматах и модусах дискурса.

Объектный (тематический) подход к изучению дискурса открывает возможность для выделения бесконечного количества его разновидностей – так выделяются экономический, экологический, гастрономический и многие другие предметно ориентированные типы общения. В качестве единицы анализа рассматривается текст, требующий интерпретации. Этот подход широко представлен в исследованиях, его достоинства – неисчерпаемый материал для анализа и опора на результаты традиционных описаний различных текстов художественной, научной, публицистической литературы, включая детальные характеристики подязыков профессионального общения. В более широком понимании можно говорить о проблемно-тематическом изучении дискурса, и тогда мы освещаем отраженную в языке реальность в ее трехмерном измерении, по И.Р. Гальперину – фактуальному, концептуальному и подтекстовому [6]. Но следует признать, что этот подход не направлен на раскрытие ситуативных и личностных характеристик коммуникации. Фактически речь идет об изучении текста, а не дискурса. С точки зрения интерпретации текста характеристика топика общения – это стартовый момент в объяснении дискурса.

Субъектный подход к пониманию и объяснению дискурса весьма разнообразен. В качестве исходной единицы анализа в таких случаях рассматривается коммуникативная ситуация, в рамках которой обычно выделяются ее участники, системообразующая цель дискурса, его хронотоп, ценности, коммуникативные стратегии, жанры и дискурсивные формулы.

Важнейшей смысловой оппозицией, позволяющей противопоставить основные типы дискурса при таком подходе к его изучению, является противопоставление лично-ориентированного и статусно ориентированного дискурса. В первом случае участниками общения выступают личности, т.е. люди в их метафункциональном проявлении, во всей возможной полноте их характеристик, во втором случае – представители тех или иных социальных групп, осмысливаемые сугубо функционально [11]. Мы обычно четко дифференцируем эти типы общения – воспринимаем наших знакомых в личностном плане, а с теми, кто нам нужен для осуществления социальных ролевых предписаний, ведем себя в соответствии со статусными установками общества. Разумеется, в любой коммуникативной ситуации может произойти переключение режимов общения с личностного на статусный и наоборот, но важно отметить, что каждый из этих режимов имеет свою логику осуществления коммуникации и определяет выбор приемлемых способов и средств общения. Разновидности дискурса, выделяемые на основании критерия его типовых участников, весьма вариативны и не всегда поддаются унификации. Тем не менее можно противопоставить в рамках лично-ориентированного дискурса две его основные разновидности – бытовое и бытийное общение, т.е. коммуникацию между людьми, хорошо знающими друг друга, и между людьми, раскрывающими перед другими свой внутренний мир. Статусно ориентированный дискурс представляет собой институциональную коммуникацию – политическую, научную, медийную, педагогическую, медицинскую, рекламную, юридическую и др. [2; 3; 9; 10; 14; 19; 21; 28].

Субъектный подход к пониманию дискурса дает возможность объяснить специфику осуществления общения с позиций той или иной социальной группы. Выделяются богемный, буржуазный, криминальный и другие виды дискурса, не соответствующие лично-ориентированному общению, с одной стороны, и институциональному общению, с другой. Так понимают дискурс многие философы, социологи и политологи [12].

Достоинство субъектного подхода к изучению дискурса состоит в интеграции достижений социологии, психологии, культурологии, этнографии и филологии и построении новых объяснительных моделей коммуникативного поведения. Однако, как и многие явления интегративного порядка, такой подход

неизбежно эклектичен, и его компоненты требуют уточнения и лингвистически релевантной верификации.

В рамках субъектного подхода к изучению дискурса применительно к тому или иному его типу можно разграничить его базовые и производные форматы. Так, существуют юридический, педагогический, политический, медицинский, религиозный типы дискурса, с одной стороны, и их специфические проекции – популярно-юридический, популярно-педагогический и другие типы общения, представляющие собой разъяснение идей и практик, свойственных соответствующим социальным институтам, а также научно-юридический, научно-педагогический и другие фокусировки институционального дискурса в научном осмыслении. С этих позиций субъектное осмысление дискурса выводит на первый план различные преобразования текста как материала общения – его адаптацию к разным коммуникативным ситуациям. Обычно такая адаптация носит учебный характер, текст излагается проще, его лексико-фразеологические средства в максимальной степени сосредоточены в рамках основного словарного фонда, его синтаксис упрощен, и кроме того, в таких текстах встречаются вспомогательные пояснения и краткие комментарии. К адаптации близка и стилизация текста, предполагающая его жанрово-стилистическую аранжировку в соответствии с требуемым канонам.

Инструментальный подход к исследованию дискурса позволяет в новом свете рассмотреть те характеристики общения, которые в традиционной системно-структурной лингвистике относились преимущественно к ведению стилистики. Центральным моментом в описании дискурса с этих позиций является тональность общения – его эмоционально-стилевой модус, определяемый культурно и ситуативно заданными установками коммуникантов. На этом основании противопоставляются серьезный и юмористический, обычный и ритуальный, информативный и фасцинирующий типы дискурса. С определенными оговорками такой подход дает возможность охарактеризовать эзотерическую коммуникативную тональность и соответствующий тип дискурса, т.е. раскрыть специфические установки коммуникантов, сознательно ведущих общение с высокой степенью суггестивности, требующей осмысления всего сказанного и подразумеваемого в мистическом ключе. Единицей анализа при таком подходе к изучению дискурса является ситуативно обусловленный

текст. Инструментальный подход к осмыслению дискурса предполагает выделение описательного обстоятельства образа действия (некто сказал нечто определенным образом – торжественно, насмешливо, бескомпромиссно, таинственно и т.д.).

Вместе с тем инструментальный подход к коммуникативному действию так или иначе характеризует собственно действие, выполняемое в процессе общения. Имеется в виду известная классификация социальных действий, по Ю. Хабермасу, который противопоставляет четыре основных действия: телеологическое (его смысл направлен на достижение определенного целесообразного результата), нормативное (его назначение – подтвердить свою принадлежность к определенному сообществу, его традициям и нормам), драматургическое (его суть – самопредставление, презентация себя участникам некоторого коммуникативного события), коммуникативное (здесь на первый план выступают выражение и интерпретация некоторой идеи) [30, с. 85–86]. Речь идет о подходах к объяснению действия. Одно и то же событие может получить различную интерпретацию – и как целесообразное действие, и как поступок в соответствии с нормами общества, и как разыгрывание определенной роли, и как использование принятого кода. В расширительном плане инструментальный подход предполагает противопоставление фатической и предметно-маркированной коммуникации, а также контрастирование манипулятивного и неманипулятивного коммуникативного действия [18; 20; 22; 23].

Инструментальный подход к изучению дискурса предполагает также внимание к каналу коммуникации, которая может осуществляться устно либо письменно, при непосредственном общении либо по телефону, с видеопомощью либо аудиозаписью либо без нее, в виде обычной либо специфической записи (текстинг – СМС, транскрипция, различного рода графические отклонения от нормы в «олбанском» языке, а также инскрипции – надписи на стенах и других поверхностях), в интернет-общении, предполагающем вероятность как виртуального, так и реального партнера [15]. Достоинство такого подхода к исследованию дискурса заключается в уточнении и расширении предмета лингвистического описания – привычных и новых способов общения. Сложности этого моделирования дискурса состоят в выработке надежных методик верификации полученных данных. Отметим, что один и тот же текстовый материал может быть проинтерпрети-

рован с объектной, субъектной и инструментальной позиций в их разновидностях.

Проиллюстрируем сказанное на материале газетной заметки.

Совестливые воры вернули детям украденные подарки

В четверг во Владивостоке произошла настоящая новогодняя история: пропавшие из детского дома подарки вернулись к законным владельцам. Об этом сообщили в благотворительном фонде «Владмама».

Как стало известно, ночью со среды на четверг воры вскрыли машину девушки – волонтера фонда. Они украли не только личные вещи автовладельца, но и 55 подарков, собранных в ходе акции «Стань Дедом Морозом», которую фонд проводит уже несколько лет. Каждый желающий может передать персональный подарок для любого ребенка из детского дома, интерната, социально-реабилитационного центра или лечебного учреждения, с которыми работает «Владмама».

Конечно, после происшествия фонд сразу же обратился в полицию. Однако события развивались по законам предновогодней сказки: уже днем воры вернули украденное. В фонд позвонил руководитель одного из детских домов Владивостока. На их территории вдруг обнаружили припорошенные снегом подарки.

«Думаю, воры в спешке взломали машину, схватили коробки. А потом по нашим фирменным наклейкам поняли, что это новогодние сюрпризы для воспитанников интерната. У людей сработала совесть, и они вернули подарки», – предположила руководитель благотворительного фонда «Владмама» Светлана Каня. Только вот разбираться, куда отнести украденное, воры не стали, а просто оставили все это в первом попавшемся им детском доме.

Всего же в ходе акции «Стань Дедом Морозом» волонтерам удалось собрать подарки для 1,6 тыс. детей.

Диана Евдокимова (Новые Известия. 2014. 26 дек.).

Топиком приведенного текста является сообщение о происшествии, которое можно назвать аксиогенным (ценностнопорождающим) событием: воры добровольно возвращают украденное. Перед нами один из сюжетов жанра «Рождественская история». Уточняются место и время события, конкретизируются его некоторые персонажи. Попутно осуществляется реклама благотворительного фонда,

который таким образом приобретает широкую известность, и публика получает возможность осмыслить ценностно значимую идею о том, что совесть может пробудиться и у преступников. Тексты такого рода достаточно часто встречаются в медийном пространстве. Сравним:

«Благослови вас Бог!»

Курьезный случай произошел в калифорнийском городе Сан-Бернардино с похищением имущества местной благотворительной организации, пишет газета Huffington Post UK. Воры проникли в помещение Центра помощи жертвам сексуального и домашнего насилия и вынесли оттуда шесть компьютеров, ноутбук и большую сумку ценных вещей и оборудования. Преступники сумели отключить охранную сигнализацию, взломать довольно прочный замок на двери центра, а внутри помещения им пришлось передвигаться ползком, чтобы их не засекли датчики движения внутренней сигнализации.

Директор центра Кэнди Столлингс приехала в разграбленный офис, куда ее вызвали полицейские, и увидела весь этот разгром, отчего пришла в полное отчаяние. Однако на следующий день Кэнди опять позвонили полицейские и сообщили, что воры вернули все украденное обратно. Они сложили все вещи в большую магазинную тележку и оставили ее у дверей центра. Внутри ноутбука Кэнди обнаружила сложенную записку, которая гласила: «Возвращаем все ваши вещи. Мы понятия не имели, что мы брали. Надеемся, что вы, ребята, и дальше будете делать жизнь лучше. Благослови вас Бог».

«Мы все были потрясены, – рассказала госпожа Столлингс. – Я просто поверить не могла». А лейтенант полиции Пол Уильямс признался, что это первый случай в его работе, когда украденное было возвращено из-за чувства вины. Центр помощи жертвам сексуального и домашнего насилия был создан в Сан-Бернардино в 1973 г. В настоящее время его отделения в разных городах штата. Сотрудники центра предоставляют круглосуточную консультативную и психологическую помощь людям, пострадавшим от насилия, реализуют образовательные программы, готовят волонтеров, предлагают услуги юристов и сиделок. Центр работает совершенно бесплатно.

Алена Александрова

(www.miloserdie.ru. 2013. 28 авг.).

Фактически перед нами один и тот же сюжет (во втором нарративе уточняются обстоятельства кражи и приводится дополнительный текст – письмо преступников жертвам ограбления).

Обратимся к субъектным дискурсивным характеристикам данного коммуникативного события. Это медийный дискурс в его базовом газетном формате. Указаны имена журналистов, приводятся названия новостных средств массовой информации и даты публикации. В соответствии с каноном данного типа информации журналисты характеризуют излагаемые события: «настоящая новогодняя история» и «курьезный случай». Обе заметки в полной мере выполняют системообразующую триединую цель медийного дискурса – воздействие через информирование и развлечение. Если бы похищение не завершилось возвращением похищенного, то перед нами была бы ordinaria криминальная хроника, которая развлекательна сама по себе. Однако неожиданный финал этих событий красочно уточняется в виде новогоднего сюжета, когда по законам жанра случаются чудеса, и письма воров с благословением, заставляющим вспомнить о раскаянии как базовой евангельской ценности.

У этих текстов четко прослеживаются этнокультурные доминанты: для русского сознания к числу важнейших нравственных ориентиров поведения относится совесть, и этот концепт вербально обозначен в корреспонденции в «Новых Известиях». Обратим внимание на значимое обиходное снижение патетики в сообщении: у преступников «сработала» совесть, а не «проявилась» или «обнаружилась». Не случайно персонаж заметки в этом контексте сначала говорит «преступники», а затем «люди». В переведенном англоязычном тексте говорится о чувстве вины как основании законопослушного поведения и вытекающего отсюда раскаяния. Значимое понижение патетики прослеживается в обращении преступников к своим жертвам: «ребята» (в оригинале *guys* – текст заметки иллюстрируется фотографией записки).

Приведенные тексты дискурсивно сближаются благодаря единой коммуникативной стратегии – донести до адресата сообщение о факте. Фактуализация осуществляется с помощью конкретизации происшествия: упоминаются характеристики персонажей, время и место происшествия (медийный хронотоп), дается информация о культурно значимых социальных институтах (детский дом, благотворительный фонд, название акции, центр помощи жертвам насилия). Фактуализация акценти-

руется с помощью детализации описания поведения преступников: воры ломают машину в спешке, оставляют ящики в первом же попавшемся детском доме, отключают сигнализацию, взламывают замок, передвигаются ползком. Значимо и поведение жертв ограбления: отчаяние, а затем потрясение от неожиданного итога события. Дополнительная рекламная стратегия в обеих заметках реализуется в упоминании названия благотворительных центров, имен их руководителей, указания результатов работы и сообщении информации об истории соответствующих организаций и местах их дислокации.

Цитируемые сообщения в полной мере соответствуют медийному жанру «происшествие», конститутивными признаками которого являются следующие: сообщение о событии, выделяющемся из общего ряда и достойном упоминания, и квалификация этого события как трагического, комического либо трагикомического. Этот медийный жанр тесно связан со слухами как пограничным форматом сообщения информации, но в отличие от происшествия слухи маркированно недостоверны: *К одному пенсионеру залез вор, посмотрел на полки, открыл холодильник и ушел из дома, оставив на столе десять рублей и записку: «Дед, так жить нельзя».* Обратим внимание на размытое обозначение персонажей в этом тексте, содержание которого перекликается с содержанием цитируемых сообщений. К числу формульных выражений медийного жанра «происшествие» относятся его обозначение «происшествие» и словосочетания «произошла история», «произошел случай», «как стало известно».

В инструментальном плане приведенные газетные сообщения соответствуют курьезной тональности – эмоционально-стилевому модусу легкого удивления. Такая тональность обусловлена содержанием парадоксального развития события. Это сообщение не оставляет читателей равнодушными, т.е. обладает признаками фасцинативности – воздействием, заставляющим вернуться к прочитанному тексту. Обратим внимание на отклики на него в Интернете:

- *Сами? Или кто велел?*
- *Совестливые воры, им нужно премию какую-нибудь присудить!!*
- *Так и хочется добавить: есть еще в России честные воры.*
- *Ну что, все «по понятиям».*
- *Какие ответственные воры.*
- *Местный «смотрящий» дал команду, вот и вернули... сами, навряд ли. Сейчас мелкое ворьё – конченные отморозки.*

В большинстве случаев комментаторы иронически отзываются о происшедшем, поскольку такова доминирующая тональность анонимных откликов на позитивные события в российских средствах массовой информации. Вместе с тем видны некоторые обобщения, свидетельствующие о неприятии воровских норм поведения в нашем обществе (жизнь «по понятиям», наличие «смотрящих»).

Газетная заметка как коммуникативное действие объединяет в себе нормативные, драматургические и интерпретативные характеристики дискурса. Представляется важным разграничить два типа нормативности – субъектно-дискурсивную, определяющую формат институциональной коммуникации, и общекультурную, соответствующую общечеловеческим, этническим и групповым ценностям. Применительно к приведенным заметкам в первом случае мы говорим о ценностях и нормах медийного дискурса (следует информировать общество о происходящих событиях, следует давать объективную информацию, следует излагать информацию занимательно), во втором случае речь идет о топике (конкретном содержании) этой заметки, и здесь актуализируются иные ценности (нельзя похищать чужую собственность, нельзя обижать сирот, нельзя мешать тем, кто бескорыстно творит добро, нельзя исключать возможность раскаяния). Список ценностей в виде нормативных прескрипций – как институциональных, так и общекультурных – можно продолжить. Обратим внимание на то, как позиционируют себя журналисты в подаче этого материала.

В российской газете прослеживается эмоциональная вовлечённость отправителя информации в содержание заметки («настоящая новогодняя история», «конечно», «события развивались по законам сказки»), заметка написана разговорным стилем («только вот разобраться», «просто оставили»). В другом новостном российском агентстве («В городе N») тональность изложения этой же информации является немного иной: *Представителям преступного мира иногда тоже свойственно проявление совестливости. ... По словам представителей фонда, они очень расстроились, ведь подарки предназначались детям-сиротам.* Журналист придерживается литературного стандарта, выделяющегося на фоне обычного разговорного общения. В переведенном на русский язык англоязычном сообщении проводится контраст между речью журналиста и текстом записки, оставленной преступниками. Комментаторы в Интернете изыскиваются на под-

черкнуто сокращенной коммуникативной дистанции, это соответствует доминирующему стилю интернет-общения.

Манипулятивное воздействие на читателей, на мой взгляд, в приведенных сообщениях не прослеживается, хотя некоторые комментаторы полагают, что эти похищения носили рекламный характер. Вместе с тем видны определенные установки в организации медиадискурса в целом: несмотря на многие пороки, присущие современному обществу, следует обращать внимание на проявление человечности в людях, особенно в тех ситуациях, когда этого обычно не ждут.

Резюмирую. Комплексная интерпретация дискурса предполагает выделение его основных характеристик – объектных, субъектных и инструментальных. Эти характеристики соответствуют базовым измерениям дискурса – его топику, формату и модусу. Существует избирательная сочетаемость определенных форматов институционального дискурса с определенными дискурсивными модулями и содержательными топиками. Применительно к медийному дискурсу противопоставляются два типа прескрипций – дискурсивные и общекультурные.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С.136–137.
2. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. Волгоград : Перемена, 2009.
3. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград : Перемена, 2007.
4. Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.
5. Водак Р. Язык, дискурс, политика. Волгоград : Перемена, 1997.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981.
7. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006.
8. Демьянков В.З. *Текст и дискурс* как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. к 70-летию Т.М. Николаевой. М. : Яз. слав. культур, 2005.
9. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М. : Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010.
10. Дускаева Л.Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи. 2013. №1 (9). С. 51–58.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
12. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М. : Канон+, 2008.
13. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. №5. С. 126–139.
14. Кочетова Л.А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: монография. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013.
15. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография. Волгоград : Перемена, 2009.
16. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003.
17. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Ставрополь : Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 26–40.
18. Митягина В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: монография. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007.
19. Олешков М.Ю. Педагогический дискурс: учеб. пособие. Ниж. Тагил : Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2012.
20. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М. : Гнозис, 2007.
21. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. Волгоград : Парадигма, 2012.
22. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск : ИГЛУ, 2000.
23. Степанов В.Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. СПб. : Роза мира, 2003.
24. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35–73.
25. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Прошлое и будущее понятия «дискурс» // La Table Ronde: сб. материалов. Вып.1. Дискурс в академическом пространстве: материалы Междунар. круглого стола (3–5 апр. 2009 г., Минск, Беларусь). Минск : Изд. центр БГУ, 2010. С. 11–14.
26. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11–22.
27. Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2003. № 586. С. 33–38.
28. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004.
29. Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L. : Routledge, 2003.
30. Habermas J. *The theory of communicative action. Vol.1. Reason and rationalization of society*. London : Heinemann, 1984.

31. Slembrouck S. What is meant by discourse analysis? (2002). URL: <http://banc.rug.ac.be/da>.
32. Trappes-Lomax H. Discourse Analysis // The Handbook of Applied Linguistics. A. Davies, C. Elder (Eds.). Malden, Oxford : Blackwell, 2004. P.133–164.
- * * *
1. Arutyunova N.D. Diskurs // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. M. : Sov. entsikl., 1990. S.136–137.
2. Beylinson L.S. Professionalnyy diskurs: priznaki, funktsii, normy: monografiya. Volgograd : Peremena, 2009.
3. Bobyireva E.V. Religioznyy diskurs: tsenosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya): monografiya. Volgograd : Peremena, 2007.
4. Borbotko V.G. Obschaya teoriya diskursa (printsipy formirovaniya i smysloporozhdeniya): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 1998.
5. Vodak R. Yazyik, diskurs, politika. Volgograd : Peremena, 1997.
6. Galperin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M. : Nauka, 1981.
7. Dementev V.V. Nepryamaya kommunikatsiya. M. : Gnozis, 2006.
8. Demyankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obyidennogo yazyika // Yazyik. Lichnost. Tekst: Sb. k 70-letiyu T.M. Nikolaevoy. M. : Yaz. slav. kultur, 2005.
9. Dubrovskaya T.V. Sudebnyy diskurs: rechevoe povedenie sudi (na materiale russkogo i angliyskogo yazyikov). M. : Izd-vo «Akademiya MNEPU», 2010.
10. Duskaeva L.R. Zhurnalistkiy diskurs v aspekte rechevyykh zhanrov // Zhanry rechi. 2013. №1 (9). S. 51–58.
11. Karasik V.I. Yazyikovoy krug: lichnost, kontseptyi, diskurs. M. : Gnozis, 2004.
12. Kasavin I.T. Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsialnuyu epistemologiyu yazyika. M. : Kanon , 2008.
13. Kibrik A.A. Kognitivnyie issledovaniya po diskursu // Voprosy yazyikoznaniya. 1994. №5. S. 126–139.
14. Kochetova L.A. Angliyskiy reklamnyy diskurs v dinamicheskom aspekte: monografiya. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2013.
15. Lutovinova O.V. Lingvokulturologicheskie karakteristiki virtualnogo diskursa: monografiya. Volgograd : Peremena, 2009.
16. Makarov M.L. Osnovyi teorii diskursa. M. : Gnozis, 2003.
17. Manaenko G.N. Diskurs v ego otnoshenii k rechi, tekstu i yazyiku // Yazyik. Tekst. Diskurs: mezhevuz. sb. nauch. tr. Vyip.1. Stavropol : Pyatigor. gos. lingv. un-t, 2003. S. 26–40.
18. Mityagina V.A. Sotsiokulturnyye karakteristiki kommunikativnogo deystviya: monografiya. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2007.
19. Oleshkov M.Yu. Pedagogicheskiy diskurs: ucheb. posobie. Nizh. Tagil : Nizhnetagil. gos. sots.-ped. akad., 2012.
20. Olyanich A.V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya. M. : Gnozis, 2007.
21. Palashevskaya I.V. Sudebnyy diskurs: funktsii, struktura, narrativnost: monografiya. Volgograd : Paradigma, 2012.
22. Plotnikova S.N. Neiskrennyy diskurs (v kognitivnom i strukturno-funktsionalnom aspektah). Irkutsk : IGLU, 2000.
23. Stepanov V.N. Provokativnyy diskurs sotsialno-kulturnoy kommunikatsii. SPb. : Roza mira, 2003.
24. Stepanov Yu.S. Alternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti // Yazyik i nauka kontsa 20 veka: sb. st. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1995. S.35–73.
25. Uhvanova-Shmyigova I.F. Proshloe i budushee ponyatiya «diskurs» // La Table Ronde: sb. materialov. Vyip.1. Diskurs v akademicheskom prostanstve: materialy Mezhdunar. kruglogo stola (3–5 apr. 2009 g., Minsk, Belarus). Minsk : Izd. tsentr BGU, 2010. S. 11–14.
26. Chernyavskaya V.E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sb. nauch. st. SPb. : Izd-vo SPbGUEF, 2001. S. 11–22.
27. Shevchenko I.S., Morozova E.I. Diskurs kak myislekommunikativnoe obrazovanie // Visnik Harkivskogo natsionalnogo universitetu im. V.N. Karazina. 2003. № 586. S. 33–38.
28. Sheygal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M. : Gnozis, 2004.
29. Fairclough N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. L. : Routledge, 2003.
30. Habermas J. The theory of communicative action. Vol.1. Reason and rationalization of society. London : Heinemann, 1984.
31. Slembrouck S. What is meant by discourse analysis? (2002). URL: <http://banc.rug.ac.be/da>.
32. Trappes-Lomax H. Discourse Analysis // The Handbook of Applied Linguistics. A. Davies, C. Elder (Eds.). Malden, Oxford : Blackwell, 2004. P.133–164.

Discourse interpretation: topic, format, mode

Discourse is presented in a three-dimensional model of its description including topic which deals with its contents, format which comprises the communicative situation, and mode which expresses its emotional and stylistic tone. The topic of a discourse is a starting point of its linguistic analysis and it deals with the text as a material object of communication, the format includes basic components of a communicative situation – its participants, objectives, values, time and space, strategies, genres and conversational formulas, and the mode is determined by culturally bound personal predispositions of communicative situation participants who take part in certain types of social actions via certain communicative channels.

Key words: *discourse, communication, text, topic, format, mode.*

(Статья поступила в редакцию 8.01.2015)